

<БЕЗ ПОДПИСИ>

Эмиграция с пестиком

Николаю Длинному¹ ныне присваиваются нового вида императорско-эмигрантские регалии: вместо шапки Мономаха — колпак с надписью: «подайте мальчику на хлеб, он эмиграцию питает», вместо державы — чашка для Даяния и вместо скипетра — пестик².

Тот самый пестик, которым Е. И. Величества подпоручик Корейша³ старался проломить череп белградскому меняле.

В самом деле, ведь «выступление» Корейши вовсе не случайно, а именно характерно и стильно для эмигрантщины. Ведь недаром же «Дни»⁴ утверждают, что покушение на убийство и грабеж среди бела дня, учиненный Корейшей — еще не худшее среди многого, на что потихоньку идут юные птенцы из гнезда» Врангеля и Николая.

Таким образом, пестик имеет полное право получить значение скипетра в руках эмигрантского короля, и явится своего рода символом власти и объединения.

Конечно, сообразно обстоятельствам, пестик заменяется другими предметами. В руках Конради⁵ пестик стал браунингом, в руках бандитов эмигрантов, нанятых Цанковым⁶ для убийств в Болгарии, пестик заменялся ручными гранатами и винтовками, в руках контрразведчиков веревкой, мылом и киянкой, в руках эмигрантских «публицистов» — доносами в охраны.

Словом, оставаясь эмблемой, пестик видоизменялся сообразно «роду оружия» отдельных полков эмигрантской мрази.

Бандитизм, вот настоящий род деятельности эмигрантщины во всех местах ее расселения. Бандитизм, до поры до времени прикрывавшийся громкими фразами и неутешными рыданиями, но, наконец, прорвавшийся наружу.

Стоит только вспомнить эту тучу Эмигрантской саранчи, всех этих спекулянтов, которые, как муха на падаль, бросались на страны с валютным кризисом. Сперва они скопом сосали Австрию, потом перебрались в Германию, наконец, буквально тучей ринулись «добывать франк». Не их вина, что Франция для половины этой компании оказалась мухоловками что немногие унесли назад свои саквояжи.

Невозможно представить, каким образом смогла бы просуществовать вся эта рать, не занимаясь она грабежами. Вывезенного награбленного в России имущества хватило ведь ненадолго. Не больше пяти процентов эмигрантов занимаются производительным трудом, и не о них здесь речь. Остальные девяносто пять процентов или паразиты, присосавшиеся к чехам, сербам, болгарам и иным благодетелям или спекулянты-бандиты.

Прославленная «деятельность» руслах эмигрантов за границей вполне подтверждает мнение, что это в массе социально вредный элемент.

Как маков цвет, облетели всяческие «Культурные» предприятия, позакрылись издательства, не издававшие «потаенных» книжек «для взрослых», ухитили деньги всяких Земгоров, раскатали по рукам, и в обнаженном от беговых листков виде осталась эмигрантская «торговля и промышленность».

В Константинополе эмигрантщина научилась торговать белыми рабынями и промышлять женским телом. В Европе этот вид «торгово-промышленной» деятельности приобрел иной вид. Поистине, бесчисленны кабаки, содержимые «русскими эмигрантами» с «кабаре» типа лупонаров и лупонарами⁷ «кабаретного» типа.

Сколько одних водочно-ликерных «заводов» понастроено эмигрантами!⁸

Не выше сортом так же и чисто спекулянтская армия, покупающая и продающая несуществующие ценности, акции ликвидированных обществ, целые улицы казенных зданий в Ленинграде и Москве. Почти не анекдот дело о продаже эмигрантом иностранцу памятника Екатерины II. Еще лучше торговля секретными военными документами, выкраденными шпионами в России, но это «аристократическое дело» и не всякому эмигранту доступное.

Однако, пока «торгово-промышленные» эмигранты имели им подвластный живой товар или загнанную в землянки на Галлиполи солдатскую массу, они нагло, бандитски грабили только ее, подходя к иностранцам с опаской, во тьме ночной, стараясь избегать «мокрых» дел.

Но нужда заставит и осторожность забыть: солдаты поразбрелись и попросту в руки не даются, так что Николаю приходится вымалывать

у них даяния, пять процентов трудового элемента беженства совсем вышли из подчинения, валюта везде стабилизировалась. Ни охнуть, ни вздохнуть. И берет эмигрант пестик, кистень, нож, и лупит им по чем попало менялу, банкира, а то и просто «гостеприимного хозяина». Удивляться этому нечего. Разложение эмигрантщины протекает весьма закономерно. Сперва — местные отдельные проявления, затем разлитое заражение со множеством гнойных очагов, и как финал — прижизненный распад тканей с поражением мозговой деятельности.

Законы жизни, логика вещей — неумолимы. Эмигрантщина, в таких массах, как она скопилась ныне, и в том, составе, как ее выплюнула революция, не может быть терпима в благоустроенном мире. В нем для нее нет места и у нее нет надежды прижиться. Потому то она, как заноза, досаждаст всем, вызывая к себе всеобщее раздражение.

Жизнь показала на семилетнем опыте, что это положение справедливо. За семь лет жизни за границей эмиграция не улучшила, а во много раз ухудшила свое положение.

И теперь, в связи с признанием СССР, обеспокоенная эмиграция пытается образовать какие-то черносотенные «Национальные Центры»⁹, чтобы подхлестывать Маклаковых¹⁰. Пустая затея, раз уже фланги перешли на пестики.

Третий, гуммозный¹¹ период жизни эмигрантщины наступил. Для полноты картины при дворе гумэмигрантского короля не хватало своего Распутина¹². Он нашел в лице беглого попа расстриги Николая¹³. Теперь уже никакими пудрами и мазями не скроет эмигрантщина своей курносой образины и пестика, зажатого в кулаке. Это конец.

И единственный «выход» видится для эмигрантщины и для Европы, жаждущей избавиться от двух миллионов паразитов: «Руль» горячо, рекламирует Парагвайские земли, где-то на 20 градусах южной широты, на границах Боливии, Бразилии и Парагвая. Скатертью дорога¹⁴.

